

По живости характера и быстроте движений он (речь идет о русском художнике Платоне Тимофеевиче Бориспольце) имеет много общего с М. И. Глинкою¹.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выбираю из известных мне описаний внешнего облика Глинки это сжатое до предела сравнение современника, как очень отвечающее устным преданиям, а также рассказам лиц, видевших Михаила Ивановича в быту, лиц из числа немногих, кого удалось мне застать (М. А. Балакирев, братья В. В. и Д. В. Стасовы и люди неприметные, имена которых теперь ничего никому не говорят). Верно подмеченные две черты — «живость характера и быстрота движений» — вполне доводят до нас главное в Глинке. Сам о себе он мало говорит. Вот ценные его слова в одном из писем к матери из Испании (18/6 июля 1845 г.), касающиеся трудностей изыскания народных песен: «Все это дает пищу моему беспокойному воображению, и чем труднее достижение цели, тем я, как всегда, упорнее и постояннее стремлюсь к ней». Тут и лежит ключ к характеру Глинки. Из скромности и из гордости Глинка, ощущая острее и острее нечуткость и непонимание вокруг себя, глубже и дальше таил свою творческую лабораторию, оставаясь только «компанейски» общительным и не скрывая, именно, живости своего характера, невольно обнаруживавшейся в его поступи и облике.

В данной работе (замысел ее очень давний, а попытка записи относится к концу 1940 года) я пытаюсь идти по стопам испытующей мысли Глинки — испытующей явления, дразнящие его любознательность, и тем самым вызывающей в нем музыку, музыку прекрасного, зрелого и сочного человеческого чувства, но претворяемую строгим, дисциплинированным *ratio*². Глинка,

¹ Материалы для истории художеств в России. Книга первая. Николая Рамазанова. Москва. 1863. Данные строчки имеются на с. 6, в сноске.

² Глинка любил постигать языки, литературу (особенно эпос), народное творчество и фантазию (вымыслы) человека, будто язычник античного мира. Как пытливый географ, он любил *землю* и природу, любил путешествия. Отсюда у него своя особая манера творчества, для чего необходимо было выработать слуховой аппарат, наичуткий к восприятию тончайших оттенков живой интонации как вида общения и передачи чувства и музыкальных закономерностей человеческой речи и говора. Он этого добился. Но свое мастерство он подчинил мудрой и стройной логике (не окаменелостям) классического голосоведения и ритма.

как и Пушкин, люди русской культуры декабристской поры, наследники разумности XVIII века, то есть лучших представителей деятельной, мыслящей интеллигенции, ибо Россия тоже имела свой круг энциклопедистов-просветителей в тот великий век.

Чтобы проникнуть в творческую лабораторию Глинки, необходимо было попытаться постичь его проникновение в родное его таланту искусство. Этому я и стремился дознаться в упомянутой работе конца 1940 года «Глинка в его музыкальных воззрениях». К сожалению, рукопись ее погибла, и только теперь я смог восстановить свой замысел уже в качестве первой части законченного полностью трехчастного исследования. В месяцы ленинградской осады мне удалось к лету 1942 года закончить интонационный анализ «Руслана и Людмилы» как центрального произведения Глинки, достойного именоваться явлением музыкального эпоса русского народа. Это исследование было осуществлено в числе других моих работ по Ленинградскому научно-исследовательскому институту театра и музыки, поддерживавшему мои силы и энергию в тот страданный год. Теперь оно в несколько дополненном облике составляет основную — вторую — часть данной книги. Здесь я пытливо, насколько это в моих силах, старался *услышать процесс создания «Руслана»* и выяснить ход мысли Глинки, распутывая нить за нитью роскошную ткань оперы, состоящую из последования великолепных эпических песен, кольцом опоясавших мудрую балладу Финна и вещие речи Баяна. По неисчерпаемой красоте исповедуемого мелодиями чувства, цельного, неразложимого на всевозможные «изживания», это произведение могло возникнуть в недрах великой человечнейшей культуры великого русского народа и стать «песней песен» прекрасной души этого народа.

Естественно, что третья часть моего исследования — после долгих поисков, как обобщить то, что еще в данной концепции оставалось досказать, — составила из группы статей, идущих по стопам творческой и изыскующей мысли Глинки, по всему ее пути до того, как смерть оборвала этот путь. Но русская музыка и русская мысль о правде музыки и в музыке уже была вполне оснащена, чтобы подхватить и развить заветы создателя «Ивана Сусанина» и «Руслана и Людмилы», как никто до него слышавшего народную музыку, величавый, глубинный, творчески неиссякаемый источник познания национального характера.

Академик Б. Асафьев

27 апреля 1945. Москва.